

Глава 5

Семья Вань, конечно, не могла понять, о чём думает Вань Дунъян, ведь он бы никогда не признался.

Перед домом семьи Вань протекал большой ручей, берущий начало в горах. Истока его никто не знал, но воды в нём было много, и ею орошали все поля в деревне.

На одном из изгибов ручья, где вода падала с небольшой высоты, брызги попали Вань Дунъяну в лицо. Слушая журчание воды, он хлопнул себя по щеке, стёр капли и, взглянув на цветущий у дороги дикий персик, тихо вздохнул.

Сердце в его груди колотилось сильнее, чем вода в ручье. Он впервые в жизни поступил не по совести, и ему было очень не по себе.

Он сегодня несправедливо обвинил человека.

Вначале он не поверил словам Лю-гэра.

Когда этот Ван сказал, что Лю-гээр столкнул его в воду, он поверил.

Он знал, что семья Лю сватает своего гэра за Вань Чанцина, а тот, в свою очередь, не обращает на него внимания и ухаживает за этим Ваном. Он подумал, что Лю-гээр из ревности столкнул его в воду.

Даже когда он так думал, он не собирался наказывать Лю-гэра. Он знал, что его мать очень любит этого паренька, и если он его обидит, она расстроится. Но, к его досаде, когда он понял, что виноват Ван, он ничего не мог с ним поделать.

Когда его самого столкнули в воду, он всё понял. Этот Ван точно врал. Всё было так, как сказал Лю-гээр: он сам сел в воду.

Догадаться было несложно — позы были разными.

Вначале он не придавал этому значения, но, оказавшись в воде, понял, что сесть в воду самому и быть столкнутым — это разные вещи, и ямы в грязи остаются разные.

Этот Ван не был таким уж ловким, чтобы, будучи столкнутым в воду, приземлиться так аккуратно. Даже он, когда его толкнули, упал со всего размаху.

Упав, он помял большую площадь рассады, обе руки, вся спина, зад и ноги были в грязи, даже

на лице и волосах была грязь. А этот Ван просто сел на одно место. Сравнив их, он всё понял.

Но, узнав правду, он не мог её сказать. Он должен был сохранить лицо, но не этому Вану, а своему дяде, Вань Чанцину.

Хотя они и были из разных поколений, они были ровесниками и дружили с детства, как родные братья. Он очень дорожил им. Сейчас Вань Чанцин был увлечён этим Ваном, и он не знал, откажется ли тот от него, если узнает о его характере.

Он уже всё решил. Если он расскажет дяде, а тот не откажется от этого брака, то сегодняшний поступок будет последним, что он для него сделает. Он сохранит лицо его избраннику, но больше не будет с ним так близок, будет общаться, как с обычным родственником.

Но если дядя передумает, то этот Ван больше не будет иметь к нему никакого отношения, и он найдёт способ отомстить ему, не оставит его в покое.

Но... но, как бы он ни поступил, сегодня он несправедливо обидел Лю-гэра, и ему было не по себе, поэтому он хотел как-то загладить свою вину.

А то, что Лю-гээр действительно столкнул его и помял рассаду, — так он сам виноват, нечего было несправедливо обвинять человека.

Так что, одно к одному, он всё равно должен был ему это компенсировать.

Супруги Лю были людьми злыми, даже еду готовили в двух разных котлах. Старик и ребёнок в их семье и двух раз в год досыта не ели. Поэтому он решил позвать его к себе домой, поручить какую-нибудь пустяковую работу и накормить до отвала. Так они и будут в расчёте.

Размышляя обо всём этом, он незаметно дошёл до дома Вань Чанцина. Он уже собирался толкнуть дверь, как та сама открылась.

— Дунъян, ты к дяде? Он к Цзюцзю пошёл, ещё не...

— Вернулся.

Пока Вань Дунъян разговаривал с матерью Вань Чанцина, из бамбуковой роци донёлся голос её сына. Он как раз возвращался.

Мать Вань Чанцина звали Ян Шэнфан. По совпадению, мать Вань Дунъяна тоже носила фамилию Ян. Неизвестно, были ли они родственницами, и может, поэтому Вань Дунъян и Вань Чанцин, хоть и были дальними родственниками, были похожи друг на друга, как две капли воды: оба с мечевидными бровями и звёздными глазами, оба красивые.

Ян Шэнфан знала, что её младший сын и Вань Дунъян дружат, и не стала спрашивать, по какому делу он пришёл. Они и без дела часто виделись. Она просто вышла и пошла к своему второму сыну, жившему по соседству.

Как только Ян Шэнфан вошла во двор второго сына, к дому подошёл Вань Чанцин. Вань Дунъян, не говоря ни слова, схватил его за руку и потащил в бамбуковую рощу.

— Ах ты, паршивец! Что ж ты меня раньше не окликнул? Заставил меня туда-сюда ходить, — пожаловался Вань Чанцин.

— Всего-то пара шагов, не развалишься, — Вань Дунъян был не в духе и, забыв о субординации, говорил грубо. Но Вань Чанцин не остался в долгу и стукнул его по голове.

— Что с тобой? Пороху наелся?

— Не пороху, а обиды. И всё из-за тебя, слепого! — Вань Дунъян считал, что во всех его сегодняшних неприятностях виноват Вань Чанцин. Это из-за него он стерпел этого Вана.

Сегодняшнее происшествие наделало много шума, и Вань Чанцин, конечно, о нём слышал. Он был сообразительным и сразу всё понял. Он виновато усмехнулся, но чем больше он смеялся, тем злее становился Вань Дунъян.

Они выросли вместе и знали друг друга как облупленных. Увидев его усмешку, Вань Дунъян понял, что его дядя пропал — влюбился в интригана. Он должен был спасти его.

— Перестань смеяться. Он нехороший человек.

Вань Дунъян говорил громко, не боясь, что его услышат. Лицо его было серьёзным. Вань Чанцин тоже стал серьёзным, но не успел он спросить, в чём дело, как Вань Дунъян выложил ему всё, что произошло, и свои соображения.

После этого они оба замолчали. Прошло немало времени, прежде чем Вань Дунъян осторожно спросил:

— Он тебе так сильно нравится?

Вань Чанцин уныло покачал головой.

— Да не то чтобы сильно. Просто он красивый.

— Ну, не такой уж и красавец. Бывают и получше, — Вань Дунъян считал, что братья Ван

действительно были красивы, но только потому, что они постоянно наряжались. Без своих нарядов они были бы такими же, как и все остальные гэры в деревне, ничего особенного.

Вань Дунъян немного успокоился, но заметил, что Вань Чанцин всё ещё хмурится, и снова забеспокоился.

— А я-то думал, что-то не так. Я решил, что он ко мне равнодушен, не считает меня чужим, поэтому и принял угощение, — снова заговорил Вань Чанцин, но в его голосе слышалась насмешка.

— Что такое? Что за угощение? Дядя, ты не в убытке? — встревожился Вань Дунъян.

На лице Вань Чанцина не было и тени улыбки, он был даже немного зол. Он рассказал, как угощал его пирожными, а тот намекнул, что в другой лавке пирожные вкуснее.

Услышав это, Вань Дунъян посмотрел на крышу дома Ван и холодно усмехнулся.

— Он не то что не считает тебя чужим, он тебя за человека не считает, за дурака держит! Пирожные из «Башни Ста Вкусов» стоят пятьдесят-шестьдесят монет за коробку. Ещё и захотел пирожных из «Башни Ста Вкусов»! Пусть ест... ветер!

Вань Дунъян так разозлился, что его грудь вздымалась. Он свирепо посмотрел на Вань Чанцина. Куда делась его обычная смекалка? Как он мог позволить какому-то гэру водить себя за нос? Неужели так сильно хотел жениться?

Конечно, вслух он этого не сказал. Хотя он и был младше, но старше по возрасту — ему в мае исполнилось двадцать два, а Вань Чанцину в конце года — только двадцать. Он всегда о нём заботился, и сейчас, когда тот был расстроен, нужно было его поддержать.

Вань Чанцин был уже не в том настроении, чтобы обращать внимание на слова Вань Дунъяна. Он был подавлен. Он так надеялся, а оказалось, что человек двуличный. С виду такой милый, а на самом деле расставляет сети. Как обидно!

Вань Дунъян был умным и, видя состояние Вань Чанцина, понял, что тот всё осознал. Он понял, зачем этот Ван устроил сегодня этот спектакль — чтобы соблазнить его. Иначе зачем бы он придирался к какому-то незаметному гэру и распускал перед ним хвост, как павлин.

Но...

— А... пирожные из «Башни Ста Вкусов» ты купил? — Вань Дунъян считал, что сейчас это самое главное. Сказав это, он уставился на унылое лицо Вань Чанцина.

Когда тот кивнул, глаза Вань Дунъяна заблестели. Он беззастенчиво протянул руку ладонью вверх.

— Тогда давай их мне.

Вань Чанцин недоверчиво поднял голову. Его лицо скривилось. Прошло немало времени, прежде чем он с силой ударил по протянутой руке Вань Дунъяна и с досадой пробормотал:

— Ах ты, паршивец! Никакой выгоды не упустишь!

Когда Вань Дунъян уходил с коробкой пирожных, Вань Чанцин заметил у него на поясе нож и, испугавшись, окликнул его. Он указал на нож и долго не мог вымолвить ни слова.

— Ты... ты... что... задумал? — Вань Чанцин позеленел от страха.

— Ничего. У отца сломалась рама для переноски грузов, я иду срубить пару изогнутых веток, чтобы сделать новую, — сказал Вань Дунъян, глядя в сторону горы.

Вань Чанцин успокоился. Он уже напридумывал себе, что Вань Дунъян собирается отрубить голову Ван-гэру и засунуть ему в глотку пирожные. Как же он испугался!

«Ха-ха-ха», — подумав о своих страхах, Вань Чанцин рассмеялся. Он, должно быть, сошёл с ума. Дунъян не такой уж и вспыльчивый. Просто сегодня его обидели, и он хотел как-то это компенсировать.

Сегодня, если бы не он, этот парень точно бы побил Ван-гэра. Он стерпел обиду, так что заслужил компенсацию.

Подумаешь, коробка пирожных. Дал и дал, всё равно кому есть.

Пока Вань Чанцин размышлял, Вань Дунъян уже поднимался на Южную гору.

Спускаясь, он видел, что старик и ребёнок из семьи Лю работают на целине на Южной горе.

<http://bllate.org/book/13415/1194064>